

Романов А. А. «К тебе пришел я, край родимый...» : [о поэме А. Ганина «Памяти деда»] / А. Романов // Искры памяти. – Вологда, 1995. – С. 24-26.

«К ТЕБЕ ПРИШЕЛ Я, КРАЙ РОДИМЫЙ...»

Алексей Ганин! Вот произнес я это имя, и печаль охватила душу: забываем мы его. А ведь к нему в Вологду и в деревню Коншино приезжал Сергей Есенин. Значит, сродственна была рязановскому гению та распахнутая талантливость, та тревога за мужицкую Русь, которая кипела в Алексее Ганине — в истинном поэте и правдолюбце. Уже одного этого свидетельства их дружбы, пожалуй, достаточно, чтобы оглянуться нам на имя и поэзию Алексея Ганина с запоздалым, но гордым уважением.

Ныне его Коншина уже нету. За Соколом, где горюнится купол Архангельской церкви, пасутся в поле лишь две-три черемухи да белая береза, под которой покоится памятный камень с именем Алексея Ганина. Вот все, что осталось от его деревни.

Но тогда, в 1918 году, Коншино крепко держалось за землю. Семья Алексея Степановича и Евлампии Семеновны Ганиных была многодетной и староукладной. И смерть деда Степана — большака их крестьянского рода — не то чтобы потрясла семью, а как бы пролила задумчивый свет в притихшие души.

Чудо поэмы «Памяти деда» именно в утверждении того, что смерть крестьянина — вовсе не кончина, а лишь всепрощающий переход в иное бытие, измеряемое отныне долгой людской памятью и оставленных на земле добрых дел. И тайна этого движения души в «вечное безветрие» передана так тонко, что, читая, замираешь от удивления.

*Сквозь голубые глаза
и небу,
и высокому Солнцу,
и каждой былинке,
и птахе
тысячи дней улыбалось Дедово сердце...
А сегодня, на грех, задремал на широкой скамье
под божницей
и чувствует, что все уже проснулось,
а сам приподняться не может...
Хочет глаза распахнуть
и, будто созревшая рожь,
заплелся ресницы.*

*Вязнет в забвение душа,
как олень златорогий в трясине.*

*Хочется деду внучонка позвать
и не родится слово...
А день широко разгулялся
под небом глубоким и синим,
и Сивку впрягли уж другие
распахивать вешние новы.*

*Все на селе, как и прежде,
лишь по-новому гвозди,
чувется, где-то вбивают
и пилят сосновые доски...*

*Кому-то неладное ладят...
А рядом ворчливые куры кудахчут,
что бабы опять
обокрали все гнезда...*

*И по-новому Солнышко
сидит у окна
и ласково Дедову бороду гладит.*

Как щемяще бережно сказано о тяжело прожитой мужицкой жизни: «у всех на губах красовита!» И какая в поэме густота и ярь красок! Ее любил читать и сам поэт, выступая в Москве вместе с Сергеем Есениным на разных литературных вечерах. Но недолго радовались они своей дружбой. 12 декабря 1923 года в газете «Правда» появилось сообщение.

«СУД НАД ПОЭТАМИ

«В понедельник, 10 декабря, в Доме печати под председательством тов. Новицкого состоялся товарищеский суд по делу четырех поэтов: С. Есенина, П. Орешина, С. Клычкова и Ганина, обвиненных тов. Сосновским в черносотенных и антисемитских выходках.

В составе суда были т. т. Новицкий, Аросев, Керженцев, Нарбут, Касаткин, Иванов-Грамен и Плетнев».

А в начале 1925 года в Москве, в Бутырках, тридцатидвухлетнего Алексея Ганина расстреляли. За что? А за любовь к Родине. Ведь в те годы хлынувшие к власти темные силы лишили Россию даже имени своего — называли просто Республикой. Вот в каком унижении оказалось достоинство русского народа. Мог ли Алексей Ганин вытерпеть такое? Нет! И расстреляли его, без могилы оставили, имя затоптали кровавыми сапогами...

А в конце этого же, 1925 года, в Ленинграде, в гостинице «Англетер», был убит, а затем повешен Сергей Есенин. Позднее расстреляли Николая Клюева, Сергея Клычкова и Петра Орешина. Так сталинско-троцкистские насильники расправились с лучшими поэтами России...

Но истинную Поэзию расстрелять невозможно. И подтверждением тому — поэтическое наследие мучеников большевистской диктатуры. В этом наследии святое место занимает и лучшая поэма Алексея Ганина «Былинное поле».